

Город Фэнлин был чрезвычайно оживлённым. Дуань Уюнь не стал продолжать ночевать на улице, а подыскал постоянный двор. Поскольку он явился поздно, почти все комнаты были заняты, остался лишь общий зал, где можно было улечься на циновках. При этом плата за такое спальное место оказалась едва ли не вдвое выше, чем раньше стоили лучшие номера.

Дуань Уюнь посмотрел на оставшиеся у него в горсти несколько камней духа и нахмурился:

— У вас цены просто грабительские.

Хозяин гостиницы перебирал костяшки на счётах:

— Уважаемый гость, пойдите поспрошайте, разве где-нибудь сейчас найдешь цены ниже, чем у меня?

Дуань Уюнь богачом не был: даже если у него и водились камни духа, все они уходили на культивацию. Покопавшись с полчаса у себя за пазухой, он наконец нащупал на поясе прохладный нефритовый подвес чистейшей воды. Сняв его, он долго гладил гладкую поверхность.

Материалом для этой подвески служил люханьюй — редкость, добываемая исключительно в снежных горах Крайнего Севера. Он отличался абсолютной прозрачностью, а внутри темнело крошечное вкрапление, похожее на капельку крови. Чем жарче становилось вокруг, тем сильнее этот камень источал холод. Эту уродливую вещь Чу Шучэнь подарил ему в самый первый раз после того, как они связали себя узами Дао-партнёров.

Люханьюй в миру встречался нечасто, но у Чу Шучэня его было в избытке — в основном он просто валялся у него где попало без дела. В те времена Дуань Уюнь преподнёс Чу Шучэню искусно вырезанную заколку для волос из редчайшей породы дерева. Он только-только прорвался на стадию Зарождающейся Души, а за тем куском древесины ему пришлось побегать немало.

Видя, сколько усердия вложил Дуань Уюнь, Чу Шучэнь, пожалуй, почувствовал себя неловко. Спустя месяц с лишним он невест из каких щелей выкопал эту подвеску, лишь бы отвязаться, да и резьба с узорами на ней выглядели предельно грубо. Дуань Уюнь невольно испытал разочарование, но всё же с радостью принял подарок: для Чу Шучэня было большой редкостью проявить такое внимание.

Тем не менее, даже к столь небрежному подарку Дуань Уюнь относился бережно и выбросить его не смел. В конце концов, после этого Чу Шучэнь почти ничего ему не дарил, и эта нелепая поделка со временем превратилась в некое подобие памяти о прошлом.

Дуань Уюнь поглаживал нефритовый подвес. Теперь всё изменилось до неузнаваемости, и хранить эту штуку не было никакого смысла. Если бы кто-нибудь узнал об этом, со стороны показалось бы, что он тешит себя напрасными надеждами — выглядело бы это крайне жалко. Он покачал головой и положил подвеску на прилавок:

— Люханью. Во сколько камней духа вы это оцените?

Хозяин поднял подвес и придирчиво повертел его в руках. В люханьюе он не разобрался, но сразу понял, что материал необычный. Поразмыслив, он разрешил Дуань Уюню пока устроиться в общем зале.

Увы, талант Чу Шучэня в резьбе по нефриту был донельзя жалким, а расспрашивать кого-то чужого он стыдился, поэтому целый месяц тайком резал камень в своей комнате для уединения. А Уюнь тем временем извёл себя в томительном ожидании ответного подарка. Чу Шучэню пришлось преподнести то лучшее, что ему удалось вырезать за этот месяц.

«Неужели так щедро сорит добром? У этого человека наверняка непростые корни», — хозяин всё больше убеждался, что лицо гостя кажется ему знакомым. — «Чёрные одежды, белые волосы... Чу... Чу Шучэнь? Да быть не может...»

Он достал из мешка пространственного хранения веер, пообмахивался немного, прикрыл им рот, зевнул, а вскоре и вовсе прикорнул у окошка.

Тот человек бросил на хозяина мимолётный взгляд, не произнёс ни слова, раскрыл зонт и повернулся, чтобы уйти.

Чу Шучэнь стоял на углу улицы, опустив голову и разглядывая выброшенную хозяином подвеску, пальцем очерчивая узоры на камне.

Хозяин гостиницы на первом этаже в главном зале напевал себе под нос какой-то мотивчик. Будучи практиком стадии Золотого Ядра, в сне в ночное время он не нуждался, а больше всего на свете любил пересчитывать камни духа. Поздней ночью створка дверей зала всегда оставалась приоткрытой, чтобы в любой момент принять путников, спасающихся от непогоды. Он крутил в руках добытую днём подвеску, изучая её со всех сторон, как вдруг ощутил накатившую волну холода и поднял глаза к выходу.

Дуань Уюнь вздохнул:

— Смотрите только не потеряйте её. Через пару дней я попаду в клан Бай и выкуплю её обратно за камни духа.

В общей комнате, где изначально спали пятеро, с появлением Дуань Уюня набилось уже девять человек. Воздух внутри, разумеется, оставлял желать лучшего, и это не говоря о том, от кого-то разило застарелым потными ногами.

Он плохо разобрался в человеческих отношениях, но всё же знал, что Дао-партнёры должны обмениваться памятными вещами. Когда много лет назад они только стали парой, Уюнь подарил ему заколку для волос. Не зная, чем ответить на это, он заметил, что Дуань Уюню нравится люханью, и решил сам научиться резьбе по нефриту, чтобы вручить Уюню знак

истинной привязанности.

Лишь когда силуэт растворился вдали, хозяин с недоумением отвёл взгляд. Он опустил глаза — подвески в руке больше не было, а вместо неё на ладони лежало несколько камней духа высшего качества.

Дуань Уюнь не сводил глаз с подвески в руках трактирщика, чувствуя, как внутри всё сжимается. Как ни крути, он носил её столько лет, и какая-то привязанность всё же осталась — он ведь не был таким бессердечным и холодным, как Чу Шучэнь.

Хозяин попытался убрать украшение, но Дуань Уюнь перехватил его руку. Лицо трактирщика скривилось:

— Ты это чего удумал?

Дуань Уюнь ничего не ответил и лишь горько усмехнулся.

Глубокой ночью холод стал еще пронзительнее, заморосил мелкий дождик. Во сне Дуань Уюнь невольно вжался плечами в плечи, отвернулся в другую сторону и замер, но даже во сне его брови были сурово сдвинуты, а на щеке отпечатался глубокий красный след.

Хозяин хмыкнул:

— С чего это ты взял, что так запросто попадёшь в клан Бай?

Странствующих практиков на стадии Закладывания Основы поздней ступени в этой гостинице хватало с избытком.

Человек в тёмных одеждах стоял посреди пелены дождя. Волосы его были абсолютно седыми, в руке он держал простой чёрный зонт, а взгляд был прикован к подвеске в руках трактирщика. На первый взгляд он выглядел до того прекрасно и жутко, напоминая лютого духа, что хозяин невольно отшатнулся от испуга.

Дуань Уюнь больше не мог выносить духоту, поэтому присел у окна, чтобы немного подышать свежим воздухом. Этот запах оказался куда хуже, чем от его бывшего мужа.

Хозяин повидал на своём веку немало и потому не испугался всерьёз, однако прочесть уровень культивации этого гостя он не смог. Стало быть, человек этот явно не относился к тем, с кем легко ладить. Чувствуя лёгкую дрожь в коленях, он осторожно поинтересовался:

— Неужели почтенный гость желает остановиться на ночлег?

Этот нефритовый камень выглядел до неловкости уродливо, и Чу Шучэнь так и не осмелился признаться, что вырезал его сам. Каким бы зрелым ни был человек, рядом с тем, кто дорог его сердцу, всегда хочется казаться безупречным.

Изначально люханьшуй славился своей кристальной чистотой, но во время работы Чу Шучэнь случайно порезал палец, и капля крови впиталась в минерал, из-за чего в самой сердцевине подвески застыло ярко-красное кровавое пятно.

Чу Шучэнь ещё долго стоял на углу улицы, поглаживая нефрит, а затем горько качнул головой:

— Так даже лучше.

По крайней мере, после его собственной смерти Уюню не придётся терзаться тоской при виде памятных вещей.

Прошло немало времени, но выражение его лица оставалось всё таким же тоскливым. В его душе вновь шевельнулось желание вернуться в снежные горы.

— Даже если ты вернёшься на Крайний Север, я всё равно тебя отыщу, — в голове вновь зазвучал знакомый голос, и расколота надвое Зарождающаяся Душа вновь начала творить тёмные дела.

Уже в третий раз за всю жизнь Чу Шучэнь так ненавидел собственную беспомощность. Внезапно он тихо рассмеялся, кончики его пальцев окутало белое свечение, и он со всего маху вонзил руку себе в грудь:

— Раз уж отпущенный мне срок на исходе, к чему продолжать жить и множить грехи?

С этими словами его пальцы сжались.

— Давай заключим сделку: я могу не убивать его, но он будет вечно сопровождать меня — неважно, вернёмся ли мы вместе на Крайний Север, или он последует за мной в могилу.

Чу Шучэнь остался непреклонен.

— Неужели тебе жалко даже этого жалкого остатка времени?

Чу Шучэнь хранил молчание, но движение его руки замерло.

— Разве ты сможешь смириться с тем, что он уйдёт навсегда?

— Ты ошибаешься, — ровным голосом произнёс Чу Шучэнь. — Путь, к которому я стремлюсь — это безудержная свобода. Я хочу любить его просто потому, что чувствую это в сердце, и это никак не зависит от того, что думает или делает Дуань Уюнь. Даже если сейчас он отрёкся от меня и порвал все связи, мне всё равно. Навязывать кому-то собственные мысли — вот это и есть истинные оковы для меня. Мучиться день и ночь из-за подобных терзаний, терять сон и запереть себя в тюрьме собственного создания — какое же это глупое занятие.

— Какой же у тебя отвратительный характер. Неудивительно, что ты отправил на тот свет столько великих злодеев, но ненавидят тебя в мире заклинателей куда сильнее, чем любят.

— Что они думают обо мне — не имеет значения.

— Ха-ха, если бы тебе действительно было всё равно, с чего бы мне вообще появиться на свет? Мы — одно целое, и всё, чего хочу я, таится и в твоём сердце. Чу Шучэнь, знаешь, почему ты уже несколько веков застрял на полпути к вознесению? Да потому что ты лжец! Ты неспособен обрести истинную свободу и лишь притворяешься, что всё в порядке. Ты так и не постиг Дао, как же ты надеешься стать бессмертным?

—... — Чу Шучэнь внезапно замолчал.

— Ты ведь всё ещё не можешь его отпустить, верно? Раз не можешь отпустить — иди и следуй за ним. Вот к чему лежит твоё истинное Дао, и к чему стремлюсь я.

Чу Шучэнь поднял голову, глядя в сторону резиденции клана Бай. Простояв так долгое время, он слегка дрогнул ресницами и едва заметно кивнул.

На этот раз клан Бай набирал учеников Внешнего Круга, и проникнуть туда тайком ради Огня Хвоста Феникса планировал не только Дуань Уюнь — у других тоже были свои виды на эту цель. Практикующий путь зла с заурядной внешностью, замаскировавшийся под странствующего заклинателя, только что встретился с подельниками, чтобы обсудить завтрашнее проникновение в клан Бай. Возвращаясь к постоялому двору, на углу улицы он нос к носу столкнулся с Чу Шучэнем.

Настороженно глядя на него, практик пути зла попытался прощупать почву:

— Кто здесь?

Чу Шучэнь медленно повернулся, являя взору лицо, достойное бессмертного из высших сфер. Его слегка приподнятые глаза феникса и ниспадающие на плечи белоснежные пряди завораживали.

Практик пути зла на миг замер в оцепенении. Спустя мгновение к нему вернулся дар речи, и он вздрогнул, заикаясь:

— Т-ты... кто такой?

— Безымянный с Крайнего Севера, — Чу Шучэнь взмахнул рукой, и с ладони сорвались пять серебряных лучей.

Лучи устремились к заклинателю, мгновенно оплеля его шею и конечности, словно привязи марионетки.

— Техника марионеток! — практик пути зла даже не успел вскрикнуть, как его глаза закатились, являя миру одни лишь белки.

Стоило всем пяти лучам полностью впитаться в его тело, как взгляд мужчины прояснился. А фигура Чу Шучэня растворилась следом за ними, слившись с телом чужака.

Искусство управления марионетками славилось своей жуткой непобедимостью. Говорили, что, достигнув в нём вершины, мастер мог превращать в марионеток живых людей и даже вселяться в их тела, что внушало куда больше ужаса и страха, чем простое насильственное завладение чужой плотью. Именно поэтому путь марионеток был безжалостно истреблен миром заклинателей ещё тысячу лет назад. Однако никто и помыслить не мог, что Чу Шучэнь, стоявший на вершине славы среди Бессмертных культиваторов, уже овладел этим искусством до легендарного уровня.

Вселившись в тело практикующего путь зла, Чу Шучэнь огладил свои новые заурядные черты лица:

— В таком обличье ты меня точно не узнаешь.

— Эх, было бы здорово, если бы Дуань Уюнь тоже стал моей послушной марионеткой, — в голове Чу Шучэня вновь прозвучал его собственный голос.

Брови мужчины сошлись на переносице:

— Заткнись.

<http://bllate.org/book/22058/2293646>